

невековья отнюдь не означает обесценивание стремления к адекватному знанию о мире и человеке. И только высокая степень ответственности каждого из нас, мужество принятия самостоятельно-го решения, выбора мира, к которому мы хотим принадлежать – мира высокой духовности, нравственности и блага или же мира потребления и растворения в обезличенном пространстве массовой культуры – является залогом того, что каждый из нас человек, а значит творец самого себя. И нам кажется, что замечательный роман У. Эко посвящен именно этому. На фоне очень убедительной историко-культурной реконструкции мы видим гимн человеку, который несмотря ни на что готов идти по тернистому пути к Истине.

Пятыга А. С., Дождикова Р. Н. Органопроекция в представлении П. А. Флоренского

Павел Александрович Флоренский – русский религиозный философ и ученый. Родился 9 января (по старому стилю) в местечке Евлах на западе нынешнего Азербайджана. По отцу его родословная уходит в русское духовенство, мать же происходила из старинного и знатного армянского рода. Флоренский очень рано обнаружил исключительные математические способности и по окончании гимназии в Тифлисе поступил на математическое отделение Московского университета. По окончании университета он не принял предложения остаться при университете для занятий в области математики, а поступил в Московскую Духовную академию. В эти годы он вместе с Эрном, Свенцицким и о. Брихничевым создал «Союз христианской борьбы», стремившийся к радикальному обновлению общественного строя в духе идей В. Соловьева о «христианской общественности». Позже Флоренский совершенно отошел от радикального христианства.

Еще в годы студенчества его интересы охватывают философию, религию, искусство, фольклор. Он входит в круг молодых участников символического движения, завязывает дружбу с А. Белым, и первыми его творческими опытами становятся статьи в символистских журналах «Новый Путь» и «Весы», где он стремится внедрять математические понятия в философскую проблематику. Написанная в 1919 году работа «Органопроекция» посвящена анализу глубинных связей, существующих в представлении П. Флоренского между

органами человеческого тела и созданными человеком предметами и орудиями труда.

Автор исходит из того, что «орудия расширяют область нашей деятельности и нашего чувства тем, что они продолжают наше тело», но в самой этой мысли, говорит Флоренский, «сокрыта большая трудность: как нечто неживое может продолжать живое? Греческий язык намекает на путь к ответу, называя как орудия-инструменты, так и расчленения тела одним словом орган» [1].

П. А. Флоренский ссылается на Э. Каппа, автора термина органопроекции, который, рассматривая функцию органов человеческого тела, исходил из идеи о том, что живое тело является первообразом техники. «Суть мысли Каппа – уподобить искусственные произведения техники естественно выросшим органам. Техника есть осколок с живого тела или, точнее, с жизненного телообразующего начала; живое тело есть прообраз всякой техники. По образцу органов устраиваются орудия» [1].

Как и его немецкий предшественник, Флоренский также усматривает в действии каждого органа осуществленную позже техническую идею, уделяя особое внимание строению и функциям руки: «рука, или как поверхность, или как схватывающая пальцами, или как сжимающая „есть мать всех орудий, совершенно так же, как осязание есть отец всех ощущений“» [1]. К этой мысли автор возвращается, когда утверждает, что «главным представителем» осязания бесспорно надо признать руку: «даже благороднейшее из ощущений, зрительное, – пишет он, – есть лишь утонченнейшее осязание, на что указал уже Аристотель: зрение есть осязание сетинной» [1]. Не меньшее внимание П. Флоренский уделяет зрению, инструменту синтеза свето- и цветоощущений: «Глаз не только дробит световую поверхность экстенсивно, но и разлагает каждый из элементов поверхности качественно, на три основных цвета, соответствующие трем родам нервных цветовоспринимающих окончаний в сетине» [1]. И далее он уточняет, что «в истории искусства эта способность глаза повела, через сознательное подражание, к пуантилизму» [1]. Далее Флоренский приводит целый ряд примеров орудий, прообразами которых являются органы человеческого тела, подчеркивая, что в отличие от механицистского объяснения, характерного для XVIII в., в XIX в. и эта тенденция находит свою квинт-

эссенцию у Каппа: органы не рассматриваются более как утонченные искусные механизмы, а орудия, напротив, – как грубые слепки.

Очень интересное сравнение автор проводит между устройством уха и рояля: «сперва может показаться неестественным такое сопоставление, раз упомянутые инструменты производят звук, а ухо его воспринимает, так что функции там и тут различны. Но если мы вспомним, что восприятие звука возможно лишь после его в каком-то смысле воспроизведения в самом слуховом органе, то мы согласимся, что аппарат внутреннего уха есть аппарат звукопроизводящий, хотя этот звук и не разносится наружу. Подобие уха и рояля, следовательно, обосновывается. Ударный аппарат уха – молоточек, наковальня и стремя удивительно воспроизведены техническим творчеством в каждом из молоточков с передаточными частями рояля, барабанная перепонка соответствует клавишам, кортиевы дуги – струнам, костные резонаторы – резонансовым доскам и полостям. Таково одно направление, по которому была стилизована идея уха; а другое привело к звукозаписывающим аппаратам, фонавтографам, фонографам и грамофонам, причем грамофоны и фонавтографы специализировали функцию фонографов» [1].

По мысли Флоренского, приведенные им примеры показывают, что орудия действительно суть органопрекции. Но поскольку техника развивается, то на каждый данный исторический момент не все органы тела спроецированы в наличной технике и процесс такого проецирования продолжается. (Здесь можно добавить, что проецирование не только человеческих органов: например, радиолокация является органопроекцией соответствующих органов летучей мыши или дельфина.) Поэтому Флоренский видит историческую задачу техники в том, чтобы «сознательно продолжить свое органопроецирование, исходя из решений, даваемых беспристрастным телостроительством души» [1]. Таким образом техника должна пониматься как сознательное подражание тому, что природа до сих пор делала бессознательно.

В то же время многие органы нашего тела или не выявлены наукой, или даны в рудиментарной форме, но они могут быть выявлены в их «технических проекциях». Иногда техника опережает развитие новых органов и тем самым помогает их выявить – «жизнь может технически осуществить проекцию некоторого органа раньше, чем станет он нам известен анатомо-физиологически, у нас са-

мих или даже у других организмов. Если изучение организмов есть ключ к техническому изобретению, то и обратно, технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию» [1]. Учитывая же, что линии техники и жизни идут соприкасаясь, но в разном темпе, по одной из них можно прогностически судить о другой.

Литература

1. Флоренский, П. А. Органопроекция / П. А. Флоренский. // Декоративное искусство. – 1969. – 12. – С. 149 – 162.

Ленеш О. В. Православие, самодержавие, народность как основа духовной и государственной политики российского правительства на территории Беларуси в 30-40-х гг. XIX в

Время Николая I – время поиска своего, непохожего на западный, пути развития России, представлявшего собой возврат к традиционному «почвенничеству» в отличие от политики «западничества», проводимой Александром I. Идеологической основой политики Николая I стала теория «официальной народности», соединившей в себе три элемента – православие, самодержавие, народность. В советской историографии в связи с превалированием революционных или либерально-демократических приоритетов эта триада классифицировалась не иначе, как реакционная, явившаяся ответом на восстание декабристов в 1825 г., которые пытались уничтожить социально-экономические препятствия, существовавшие в России, революционным путем. Современная историческая наука, справедливости ради, покончила со столь однобокой интерпретацией данной теории, обозначив ее как консервативную, смысл которой состоял не в сокрушении действительности, а в созидании будущего на базе сохранения и воспроизведения традиций исторического прошлого, почитании духовных ценностей, воспитанных христианством. Безусловно, идеологическая доктрина, к созданию которой имеют непосредственное отношение такие видные деятели XIX в., как министр народного просвещения С.С. Уваров, историк, публицист и общественный деятель М.П. Погодин, литературовед С.П. Шевырев, гарантировала России стабильность, реализацию программы реформ без потрясений, волнений и революций. Иными